

Влияние санкций Совета Безопасности ООН на экономику КНДР¹

Л.В. Захарова

Захарова Людмила Владимировна – к.э.н., с.н.с. Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН; Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский просп., д. 32; доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Статья посвящена экономическим санкциям, введенным Советом Безопасности ООН (СБ ООН) в отношении КНДР с 2006 по 2017 г. в ответ на ядерные испытания и ракетные запуски Пхеньяна. За этот период было принято несколько резолюций, содержащих обязательства для всех государств – членов ООН, часть из которых имеет непосредственное влияние как на экономические контакты Северной Кореи с внешним миром, так и на развитие ее экономики в целом. Особой жесткостью отличается пакет ограничительных мер, зафиксированных в резолюциях СБ ООН, принятых в 2016–2017 гг.

Целью исследования является проведение структурированного анализа введенных против КНДР экономических санкций и выявление возможных последствий международных ограничений для северокорейской экономики.

В основе исследования лежит системный подход, представляющий экономику КНДР как систему, а санкционный режим СБ ООН как внешний фактор, влияющий на ее развитие. При анализе текстов резолюций применялся метод сравнительного анализа, позволяющий рассмотреть процесс ужесточения санкций в динамике. Изучение современного состояния северокорейской экономики, ключевых факторов ее развития и влияния международных санкций потребовало использования статистического и аналитического метода исследования.

КНДР в 1960-е годы засекретила большую часть своей экономической статистики и иногда обнаруживает лишь некоторые показатели, например, объем ВВП за отдельные годы. В связи с этим при анализе динамики развития северокорейской экономики за длительные периоды приходится использовать оценочные показатели из вторичных источников, в том числе международных организаций и государственных учреждений Республики Корея. По имеющимся оценкам, последнее десятилетие было отмечено ростом ВВП Северной Кореи, несмотря на введенные СБ ООН ограничения. Этому способствовали усилия Пхеньяна по расширению внешнеэкономических связей, а также распространение рыночных элементов в социалистической экономике КНДР.

В результате введенных СБ ООН санкций к концу 2017 г. Северная Корея была фактически отрезана от мировой банковской системы, существенно ограничена в своих внешних торговых, инвестиционных, транспортных и научных связях. Среди важных последствий санкций для экономики КНДР автор статьи выделяет сокращение экспорта, «удорожание» всех внешних транзакций для северокорейских компаний, необходимость поиска новых путей взаимодействия с мировой экономикой, вынужденную переориентацию на внутренний рынок для ранее экспортно ориентированных производителей, а также негативные гуманитарные последствия международных санкций для гражданского населения КНДР. Существенное ограничение потока и удорожание поступающих из-за границы ресурсов в долгосрочной перспективе может привести к усилению крупных компаний, связанных с государством, за счет вытеснения малых «частных» форм бизнеса, обладающих меньшими возможностями.

Ключевые слова: КНДР; Северная Корея; Совет Безопасности ООН; санкции; ядерная программа; экономика

Для цитирования: Захарова Л.В. (2019) Влияние санкций Совета Безопасности ООН на экономику КНДР // Вестник международных организаций. Т. 14. № 2. С. 223–244 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-09.

¹ Статья поступила в редакцию в мае 2018 г.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10126).

Введение

С 2006 г. Совет Безопасности ООН (СБ ООН) начал вводить против КНДР санкции в ответ на проводимые республикой ядерные испытания и ракетные пуски. Основной задачей данной стратегии стало оказание давления на Пхеньян, чтобы заставить руководство страны отказаться от развития ракетно-ядерной программы, которая представляет собой угрозу международному миру и безопасности. В ответ КНДР форсировала создание ядерного оружия с одновременной выработкой механизма по обходу ограничений СБ ООН [Кику, 2016, с. 89]. В 2013 г. северокорейское руководство заявило о проведении курса на параллельное экономическое развитие и создание ядерных сил. В его рамках лидер КНДР Ким Чен Ын поставил цель одновременно укреплять ракетно-ядерный потенциал страны и развивать гражданские сектора экономики. До недавнего времени это в определенной мере удавалось, в том числе за счет использования фактора внешнеэкономических связей. Однако после обострения ситуации на Корейском полуострове и ужесточения международных санкций в 2017 г. стали создаваться предпосылки для изменения этого тренда. По оценкам Банка Кореи (БК), в результате сокращения внешней торговли страны отрицательный прирост ВВП КНДР в 2017 г. составил 3,5% [Bank of Korea, 2018, p. 2].

Перечень международных экономических санкций в отношении КНДР по состоянию на середину 2018 г. содержится в нескольких резолюциях СБ ООН. Ключевыми из них являются резолюции 1718 (2006), 1874 (2009), 2087 (2013), 2094 (2013), 2270 (2016), 2321 (2016), 2371 (2017), 2375 (2017) и 2397 (2017). Настоящее исследование предполагает анализ основных положений этих документов, касающихся экономического взаимодействия Северной Кореи с внешним миром, рассмотрение процесса ужесточения ограничительных мер в ключевых сферах и выявление возможного эффекта санкций на развитие экономики страны. Детальное изучение ограничений на военно-техническое сотрудничество с КНДР и односторонних санкций, введенных против Северной Кореи отдельными государствами, выходит за рамки данной работы.

Основой методологии настоящего исследования послужил системный подход, рассматривающий экономику КНДР как систему, находящуюся в динамичном взаимодействии с внешней средой. Международный санкционный режим в отношении Северной Кореи при этом рассматривается как один из ключевых факторов, влияющих на состояние внешней среды и перспективы развития всей системы. При изучении возможного влияния санкций на экономику КНДР использовался исторический подход и метод сравнительного анализа текстов резолюций СБ ООН и официальных заявлений представителей Северной Кореи, позволяющие рассмотреть ситуацию в динамике, а также статистический и аналитический методы исследования.

Учитывая информационную закрытость экономики КНДР для внешнего мира, в ходе проведения исследования автор опирался на имеющиеся в открытом доступе статистические данные международных организаций, а также оценки южнокорейских государственных организаций, таких как Банк Кореи и КОТРА, много лет на постоянной основе ведущих мониторинг экономического развития Северной Кореи. В процессе подготовки статьи были изучены относящиеся к теме данные из официальных северокорейских источников, результаты исследований российских и иностранных специалистов по КНДР, а также сведения об изменении экономической ситуации в КНДР, поступающие по различным каналам и публикуемые специализированными интернет-ресурсами. Важным источником эмпирического материала для проведенного исследования стала научная командировка автора в Пхеньян в мае – июне 2017 г.

В условиях недостатка официальных статистических данных о КНДР, позволяющих строить динамические ряды, довольно сложно представить количественные характеристики эффекта международных санкций. Однако автор статьи, используя имеющиеся оценки динамики и факторов роста северокорейской экономики и аналитические методы исследования, предпринял попытку выявить влияние санкций СБ ООН на внешнеэкономическую деятельность КНДР и ее социально-экономическое развитие.

Полученные результаты представляют интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения. В теоретическом плане представленная статья вносит вклад в накопление знаний о современной северокорейской экономике в отечественной науке. С практической точки зрения для выстраивания российской внешней политики на Корейском полуострове необходимо понимание внутренних процессов в соседней стране, развитие экономических отношений с которой является важной задачей даже в условиях санкций [РИА Новости, 2018].

Структурно в исследовании можно выделить три основные части. В первой проводится анализ процесса последовательного введения экономических санкций СБ ООН в отношении КНДР и их содержания. Вторая часть содержит характеристику состояния северокорейской экономики и ключевых факторов ее роста в период санкций. Третья часть посвящена рассмотрению и выявлению последствий введенных ограничений для развития экономики Северной Кореи.

Обзор экономических санкций СБ ООН в отношении КНДР (2006–2017 гг.)

Начало действующему санкционному режиму СБ ООН в отношении Северной Кореи было положено после первого ядерного испытания, проведенного КНДР 9 октября 2006 г. Действуя на основании гл. VII Устава ООН и принимая меры на основании ст. 41 Устава, Совет Безопасности ООН 14 октября 2006 г. единогласно принял резолюцию 1718 [UNSC, 2006]. Она содержала запрет на поставки в Северную Корею и из нее ряда вооружений, «предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, определенных СБ ООН... которые могли бы содействовать осуществлению программ КНДР, связанных с ядерным оружием, баллистическими ракетами и другими видами ОМУ». Кроме того, были установлены ограничительные меры на поставки в Северную Корею так называемых предметов роскоши, однако списка конкретных товаров указано не было, что оставляло этот вопрос на усмотрение каждого конкретного члена ООН (п. 8 (а)). Также в резолюции была предусмотрена возможность осуществления досмотра грузов, отправляемых в КНДР или из нее, для обеспечения соблюдения требований резолюции (п. 8 (f)). В дальнейшем этот пункт трансформировался в обязательство досмотра судов и изъятия запрещенных грузов (п. 16 резолюции 2094).

В резолюции 1718 была предусмотрена заморозка финансовых активов и других экономических ресурсов физических и юридических лиц КНДР, которые, «как установлено Комитетом² или Советом Безопасности, являются участниками или обеспечивают поддержку» запрещенных для КНДР видов деятельности (п. 8 (d)). В последующих резолюциях списки физических и юридических лиц, подпадающих под действие адресных санкций, связанных с запретом на поездки и замораживанием активов, постепенно расширялись.

² Для отслеживания выполнения введенных в отношении КНДР санкций государствами – членами ООН, в соответствии с резолюцией 1718, был учрежден специальный Комитет в составе представителей всех членов Совета Безопасности.

В ответ на проводившиеся КНДР в дальнейшем ядерные испытания и ракетные запуски СБ ООН принял еще несколько резолюций – 1874 (2009) [UNSC, 2009], 2087 (2013) [UNSC, 2013a], 2094 (2013) [UNSC, 2013b], постепенно ужесточая санкционный режим. Новым моментом международных санкций в резолюции 1874 стал призыв к государствам-членам и международным учреждениям не предоставлять Северной Корее «субсидий, финансовой помощи или льготных кредитов», за исключением предназначенных для гуманитарных целей, ориентированных на нужды гражданского населения или содействующих денуклеаризации (п. 19). Государствам – членам ООН было рекомендовано не оказывать государственной финансовой поддержки торговле с КНДР (включая экспортные кредиты, гарантии и страхование), если она может способствовать запрещенной деятельности Северной Кореи (п. 20). В дальнейшем в резолюции 2094 (2013) это положение было переформатировано из рекомендации в обязательство (п. 15), а в резолюции 2270 (2016) – в обязательство запретить оказание «по государственным и частным каналам финансовой поддержки для ведения торговли с КНДР» (п. 36).

В резолюции 2087, принятой в 2013 г., обращалось внимание на нарушения санкций со стороны КНДР и их обход с помощью различных способов перевода денег. В связи с этим резолюция 2094 (2013 г.) ввела ряд целенаправленных финансовых санкций против Северной Кореи. В частности, резолюция призвала не позволять северокорейским банкам открывать новые отделения на территории государств – членов ООН и поддерживать корреспондентские связи с их банками (п. 12). Кроме того, Совет Безопасности призвал запретить финансовым учреждениям государств – членов ООН открывать отделения или банковские счета в КНДР (п. 13), а также рекомендовал контролировать переводы крупных сумм наличности в Северную Корею (п. 14). Данные рекомендации сопровождались оговоркой «если есть достаточные основания полагать, что подобные действия могут способствовать ракетно-ядерным программам КНДР или нарушению резолюций СБ ООН». Однако в условиях непрозрачности происходящих в КНДР процессов многие банки закрыли счета северокорейских физических и юридических лиц без каких-либо разбирательств.

С резолюции 2094 началась конкретизация и составление списка «предметов роскоши», запрещенных к поставкам в Северную Корею. В частности, в Приложении IV были упомянуты драгоценности и средства транспорта класса «люкс» (яхты и автомобили). В резолюции 2270 (2016 г.) к ним были добавлены часы класса «люкс», изделия из хрусталя, частные суда, снегоходы и спортивное оборудование для рекреационных целей.

В статье А.В. Ильина и О.Ю. Курныкина «Северокорейский кризис через призму резолюций Совета безопасности ООН» [Ильин, Курныкин, 2014] представлена наглядная демонстрация политического вектора международного сообщества в отношении КНДР. Одним из выводов авторов на основании проведенного контент-анализа текстов резолюций СБ ООН в период с 1993 по 2013 г. является утверждение о том, что Совет Безопасности избрал метод финансово-экономических санкций как основу стратегии давления на КНДР, и останется ему верен. Этот прогноз показал свою состоятельность в 2016–2017 гг., когда в ответ на новые испытания были приняты очередные ограничительные меры в отношении экономических контактов КНДР с внешним миром.

Набор новых экономических санкций, введенный резолюцией СБ ООН 2270 (2016 г.) [UNSC, 2016a], был охарактеризован как беспрецедентно жесткий самими представителями членов Совбеза. Впервые против КНДР были введены меры по ограничению масштабов торговли товарами гражданского назначения. В п. 29 вводился запрет на экспорт из КНДР угля, железа и железной руды. При этом исключения были сделаны для транзитных поставок угля из порта Раджин, а также сделок, которые

«осуществляются исключительно для целей обеспечения средств к существованию и не связаны с получением доходов для программ КНДР по ядерному оружию и баллистическим ракетам». Подобные изъятия были выгодны прежде всего России, которая реализует совместный с КНДР логистический проект Хасан-Раджин и отправляет через Раджин свой уголь в Китай, а также Китаю, который мог продолжать закупки угля и железной руды у Северной Кореи, пользуясь предоставленной оговоркой.

Намного более четкий п. 30 вводил полный запрет на экспорт из КНДР золота, титановой руды, ванадиевой руды и редкоземельных минералов, а п. 31 – запрет на поставки Пхеньяну авиационного и ракетного топлива, за исключением заправки гражданских пассажирских самолетов за пределами КНДР для полета в Северную Корею и обратно.

Были расширены и финансовые санкции. В частности, резолюция 2270 содержала обязательство для всех стран в течение 90 дней закрыть все существующие филиалы и представительства северокаорейских банков, созданные с ними совместные предприятия и установленные корреспондентские связи (п. 33). В п. 34 был предусмотрен запрет финансовым учреждениям государств – членов ООН открывать новые представительства, филиалы или отделения либо новые банковские счета в КНДР, и в течение 90 дней требовалось закрыть существующие там отделения и банковские счета (п. 35), если есть «разумные основания полагать, что соответствующие финансовые услуги могут способствовать» осуществлению ядерной или ракетной программ КНДР. Единственное исключение было сделано для банковских счетов, которые необходимы для оказания гуманитарной помощи или осуществления деятельности дипломатических представительств в КНДР.

В ответ на очередное ядерное испытание Пхеньяна 9 сентября 2016 г., 30 ноября 2016 г. СБ ООН принял резолюцию 2321 [UNSC, 2016b], содержащую пакет санкций, которые Генеральный секретарь ООН назвал самым жестким и всеобъемлющим санкционным режимом в истории СБ ООН.

Для сужения возможностей Северной Кореи по получению прибыли от экспорта угля, который был ограничен в резолюции 2270, но таким образом, что это ограничение при желании можно было обойти, в резолюции 2321 был зафиксирован конкретный потолок ежегодного объема продаж. В частности, с 2017 г. ежегодно Северная Корея могла продавать за рубеж не более 7,5 млн тонн или 400 870 018 долл. по продажам, в зависимости от того, что меньше (ст. 26). Это означало более чем 50%-е снижение по сравнению с действовавшим на тот момент объемом поставок угля, основного экспортного товара, из Северной Кореи в Китай [KOTRA, 2017, p. 46]. Документ полностью запретил КНДР экспорт меди, никеля, серебра и цинка (п. 28), а также статуи (п. 29). В п. 11 содержалось требование к государствам-членам приостановить научно-техническое сотрудничество с людьми или коллективами, официально спонсируемыми КНДР или представляющими эту страну, за исключением медицинских обменов. Об остальных случаях сотрудничества необходимо заранее информировать санкционный Комитет.

В резолюциях 2371 [UNSC, 2017a], 2375 [UNSC, 2017b], 2397 [UNSC, 2017c], принятых в августе, сентябре и декабре 2017 г. соответственно в ответ на ракетные пуски и ядерное испытание КНДР, были предусмотрены дальнейшие меры по сокращению источников заработка иностранной валюты для Пхеньяна. В частности, в п. 8 резолюции 2371 был полностью запрещен экспорт из Северной Кореи угля, железа и железной руды за исключением угля, добытого за пределами КНДР и следующего транзитом через порт Раджин. Кроме того, был введен запрет на вывоз из КНДР морепродуктов (в том числе рыбы, ракообразных, моллюсков и других водных беспозвоночных во всех формах) (п. 9 резолюции 2371), свинца и свинцовой руды (п. 10 резолюции 2371), тек-

стильных изделий (п. 16 резолюции 2375). В 2016 г. КНДР экспортировала каменный уголь на сумму 1,19 млрд долл. (около 42% от стоимости всего экспорта), различных металлов и их руд, включая железную руду, на 225 млн долл. (8% всего экспорта) [КОТРА, 2017, р. 7, 41]). Вывоз текстильных изделий, второй по значимости после угля группы экспортных товаров, в 2016 г. составил 752 млн долл., или более 26% от всего объема экспорта, а рыбы и морепродуктов – почти 196 млн долл., или 7% от всего объема экспорта КНДР [Ibid., р. 4, 7].

В резолюции 2397 список запрещенных к экспорту из КНДР товаров был расширен за счет сельскохозяйственной продукции, машинного оборудования, электрооборудования, земель и камня, включая магнезит и магнезию, древесины, судов (п. 6). Таким образом, под запрет попали все категории основных статей экспорта Северной Кореи, объем которого в 2016 г. составил около 2,82 млрд долл. [Ibid., р. 3].

По оценкам специалистов, важным источником валютных поступлений для КНДР также был экспорт рабочей силы [Толорая, Яковлева, 2016, с. 61]. По некоторым данным, работа около 100 тыс. северокаорейских граждан за рубежом приносила государству около 500 млн долл. в год [U.S. Mission to the United Nations, 2017]. В сентябре 2017 г. СБ ООН ввел полный запрет на выдачу новых разрешений на работу гражданам КНДР (п. 17 резолюции 2375), а в резолюции 2397 (п. 8) был установлен конкретный срок, к которому все северокаорейские рабочие должны вернуться на родину, – не позднее 22 декабря 2019 г.

В резолюции 2375 существенные ограничения коснулись поставок в КНДР топлива и сырья для его производства. В частности, был запрещен экспорт в Северную Корею всех видов конденсата и газоконденсатных жидкостей (используются как сырье для переработки в бензин, керосин и т.п.) (п. 13), ограничены поставки всех видов нефтепродуктов до объема в 2 млн баррелей в год (п. 14), а также заморожен экспорт сырой нефти в КНДР на уровне предшествовавших 12 месяцев (п. 15). В резолюции 2397 был установлен конкретный потолок для поставок сырой нефти в КНДР на уровне 4 млн баррелей или 525 тыс. тонн в год (п. 4), а поставки всех продуктов переработки нефти были ограничены до 500 тыс. баррелей в год (п. 5). Учитывая, что в 2016 г. Северная Корея импортировала около 4,5 млн баррелей нефтепродуктов [U.S. Mission to the United Nations, 2017], установленные ограничения должны были стать очень чувствительными для экономики страны.

В декабрьской резолюции СБ ООН также запретил продавать и передавать Северной Корее все виды промышленного оборудования, средства наземного транспорта, железо, сталь и другие металлы (п. 7), за исключением запасных частей для коммерческих гражданских пассажирских самолетов КНДР (среди них – воздушные суда марки Ан, Ил и Ту). По данным США, на эти товары в 2016 г. пришлось около 30% северокаорейского импорта на сумму около 1,2 млрд долл. [Ibid.].

В финансовой сфере были ограничены возможности для осуществления иностранных инвестиций в КНДР. В частности, в п. 12 резолюции 2371 был установлен запрет на открытие «новых совместных предприятий или кооперативных коммерческих организаций с юридическими или физическими лицами КНДР», а также расширение существующих совместных предприятий посредством дополнительных инвестиций. В дополнение к этому, в п. 18 резолюции 2375 содержалось обязательство государств-членов запретить функционирование уже существующих совместных предприятий с Северной Кореей и закрыть их в течение 120 дней. Исключения были сделаны лишь для заранее одобренных ООН некоммерческих проектов в области жилищно-коммунального хозяйства, существующих проектов Китая – КНДР по созданию гидроэлектроэнергетической инфраструктуры и российско-северокаорейского проекта Хасан-Раджин.

В целом за более чем 10 лет существования санкционного режима СБ ООН в отношении Северной Кореи международным сообществом были введены значительные ограничения на экономические связи этой страны с внешним миром в ряде областей. В сфере торговли был введен запрет на экспорт из КНДР ключевых товаров, а также установлены серьезные ограничения на импорт в Северную Корею топлива и продукции промышленного назначения. В финансовой области КНДР оказалась фактически изолирована от мировой банковской системы, было запрещено создание и функционирование совместных предприятий с иностранными инвесторами. Любые грузы, следующие в Северную Корею или из нее, рискуют быть задержанными любым государством – членом ООН. Кроме того, СБ ООН ввел серьезные ограничения на научно-техническое сотрудничество с Северной Кореей и фактически запретил экспорт рабочей силы из КНДР.

Несмотря на то, что все указанные выше санкционные резолюции были приняты единогласно, в самом Совете Безопасности ООН часто разворачивалась борьба по поводу масштабов вводимых ограничений и их конкретных формулировок. США традиционно настаивали на максимально жестких рестрикциях – вплоть до введения тотальной торгово-экономической блокады Северной Кореи, в то время как Россия и Китай прилагали усилия для смягчения санкционных положений [Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2017].

Для мониторинга соблюдения санкционного режима в помощь Комитету 1718 в 2009 г. была учреждена Группа экспертов, в мандат которой в том числе входит подготовка итоговых докладов. В представляемых ежегодно объемных документах неоднократно ставились серьезные вопросы по поводу эффективности режима санкций СБ ООН в отношении КНДР. В 2016 г. члены Группы экспертов связывали успешные действия Пхеньяна по обходу санкционного режима в том числе с низким уровнем выполнения государствами – членами ООН соответствующих резолюций [Кику, 2016, с. 89–90]. Процесс мониторинга осложнялся тем, что далеко не все страны отчитывались перед СБ ООН о реализации санкционных решений. Например, к 2016 г. 90 государств ни разу не представили свои национальные доклады о конкретных мерах по выполнению антисеверокорейских резолюций [UNSC, 2016с, р. 10]. В 2018 г. Группа экспертов также отмечала изощренность методов, используемых КНДР для уклонения от санкций, среди которых использование глобальных цепочек поставок нефти, соучастников в лице иностранных граждан, регистров офшорных компаний и международной банковской системы [UNSC, 2018, р. 4].

Состояние северокорейской экономики и факторы ее развития в период санкций СБ ООН

В 1960-е годы КНДР засекретила свою экономическую статистику и за редким исключением не публикует ее, в связи с чем при оценке динамики развития страны приходится использовать данные международных и зарубежных организаций [Marumoto, 2009]. В частности, по данным Статистического подразделения ООН, основанным на статистике, предоставляемой Центральным статистическим бюро КНДР, средние темпы роста ВВП Северной Кореи в 2006–2016 гг. составляли 0,32% в год (табл. 1).

Оценки Банка Кореи (Республика Корея) представляют более радужную картину, согласно которой средние темпы роста ВВП Северной Кореи в 2006–2016 гг. достигли 0,59% в год (табл. 2).

Таблица 1. Темпы роста экономики КНДР в 2006–2016 гг., % к предыдущему году
(данные Статистического подразделения ООН)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Темпы роста	7,9	2,7	-7,2	-9,7	-16,0	7,7	5,4	2,7	4,8	1,9	3,3

Источник: рассчитано автором по данным Статистического подразделения ООН [UN, 2018] о ВВП КНДР в национальной валюте в текущих ценах.

Таблица 2. Темпы роста экономики КНДР в 2006–2016 гг., % к предыдущему году
(данные Банка Кореи)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Темпы роста	-1,0	-1,2	3,1	-0,9	-0,5	0,8	1,3	1,1	1,0	-1,1	3,9

Источник: [Bank of Korea, 2017].

В обеспечении экономического роста КНДР в последние годы особую роль сыграл внешний фактор, под которым имеется в виду существенное расширение торгово-экономических связей страны в 2010-е годы. По оценкам южнокорейской государственной организации КОТРА, внешний товарооборот Северной Кореи (без учета межкорейской торговли) вырос с 4,174 млрд долл. в 2010 г. до 6,546 млрд долл. в 2016 г., достигнув своего пика в 2014 г. (7,610 млрд долл.) (табл. 3). Кроме того, согласно оценочным данным UNCTAD, несмотря на некоторое сокращение объемов после 2013 г., приток прямых иностранных инвестиций в КНДР сохранялся на уровне около 80–90 млн долл. ежегодно в 2014–2016 гг. (табл. 4). За счет наращивания экспорта руководству страны удалось получить значительное количество средств, направленных в том числе и в гражданский сектор экономики. Кроме того, на внешние связи во многом оказались завязаны северокорейские предприятия производственных отраслей и сферы услуг, зависящие от зарубежных поставок сырья, материалов и оборудования, а также от иностранных рынков сбыта.

Таблица 3. Внешняя торговля КНДР в 2010–2016 гг., млрд долл. США

Внешняя торговля КНДР	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Экспорт	1,513	2,789	2,880	3,218	3,164	2,696	2,821
Импорт	2,661	3,568	3,931	4,126	4,446	3,555	3,725
Внешний товарооборот	4,174	6,357	6,811	7,344	7,610	6,251	6,546

Источник: [КОТРА, 2017, р. 3].

Таблица 4. Приток Прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в КНДР, 2011–2016 гг., млн долл. США

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Приток ПИИ	119	228	119	79	82	93

Источник: [UNCTAD, 2017, р. 223].

Сами северокорейские ученые признают важность развития внешнеэкономических отношений как неотъемлемого элемента на пути строительства «экономически мощной страны» в рамках реализации 5-летней стратегии экономического развития на 2016–2020 гг. [Pak, 2017, p. 12]. При этом особо подчеркивается, что перед страной остро стоит задача диверсификации круга торговых партнеров, а также вывода продукции КНДР на международный рынок [Jon, 2017, p. 22].

Важным фактором экономического роста КНДР специалисты считают тесное экономическое сотрудничество Северной Кореи с Китаем. На КНДР приходится более 90% всей внешней торговли КНДР (по оценкам КОТРА, 92,51% в 2016 г. [КОТРА, 2017, p. 44]). Из Китая шел поток электротехнического оборудования, средств связи, транспортных средств, бытовой техники и электроники, пластиковых изделий, минерального топлива, продовольственных товаров, разнообразной одежды и многого другого, а также не отражаемые в китайской таможенной статистике поставки нефти по трубопроводу (по имеющимся оценкам, около 500 тыс. тонн в год). В ответ Северная Корея до недавнего времени экспортировала в Китай каменный уголь, железную руду и другие виды полезных ископаемых, текстильные изделия, рыбу, морепродукты и некоторые другие товары. По мнению зарубежных экспертов, именно китайские посредники, в том числе финансовые, обеспечивали связь экономики КНДР с внешним миром. Поставляя северокорейские товары под маркой китайских за рубеж, а также закупая необходимые для потребителей из КНДР товары в других странах, китайские компании способствовали смягчению эффекта международных санкций для северокорейской экономики.

К внутренним факторам экономического развития КНДР на современном этапе относится, прежде всего, расширение частнокапиталистического сектора в рамках формально социалистической северокорейской экономики. После прихода к власти в КНДР нового лидера в 2011 г. экономическому развитию и повышению уровня жизни населения уделяется особое внимание. В условиях нехватки собственных финансовых и материальных ресурсов государству приходится допускать активизацию частной инициативы граждан. И хотя на официальном уровне существование частного сектора не признается, по имеющимся сведениям, «даже некоторые инструкции и подзаконные акты правительства исходят из того, что частный сектор существует и активно взаимодействует с сектором государственным» [Lankov, 2016]. Западные исследователи северокорейской экономики отмечают, что, несмотря на незначительные изменения в политической системе КНДР, в стране проводятся экономические реформы, если не де-юре, то де-факто [Haggard, Noland, 2017, p. 227]. Особенно заметен частный капитал в таких отраслях, как сфера обслуживания, рыболовство и даже строительство. По оценкам некоторых экспертов, доля теневой экономики в ВВП КНДР может составлять от 30 до 50%, а Ким Чен Ын относится к рыночным элементам более терпимо, чем предыдущее руководство страны [Lankov, 2016].

На официальном уровне нововведения в хозяйственный механизм КНДР при Ким Чен Ыне сводятся к «поощрению творческой инициативы хозяйственных единиц» посредством внедрения «социалистической системы ответственности» за управление сельхозкооперативами и предприятиями³. Как пояснили северокорейские ученые из Института экономики АОН КНДР в личной беседе с автором статьи в июне 2017 г. в Пхеньяне, эта система находится в полном соответствии с социалистическими принципами хозяйствования и не может рассматриваться как начало рыночных реформ. Тем не менее руководство страны, вероятно, рассчитывает, что предоставление

³ Подробнее о внутриэкономической политике КНДР см. [Захарова, 2017].

большей самостоятельности предприятиям и сельхозкооперативам, которое способно повлечь за собой повышение материальной заинтересованности граждан и стимулировать их производственную активность, благоприятно скажется на экономическом росте страны.

В области сельского хозяйства определенные результаты уже были достигнуты, что позволило КНДР удерживать относительно высокий уровень собранного урожая, несмотря на ежегодные стихийные бедствия последних лет [Babson, 2016, p. 166]. По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, общий объем собранного урожая (в зерновом эквиваленте и пересчете в шлифованный рис) в КНДР за 2016–2017 гг. сельскохозяйственный год составил около 5,15 млн тонн при минимально необходимом для удовлетворения внутренних потребностей объеме в 5,608 млн тонн [FAO, 2017, p. 8]. Недостающие для полного удовлетворения потребностей объемы зерна частично компенсировались коммерческим импортом и поставками гуманитарной помощи.

Последствия санкций Совета Безопасности ООН для экономики КНДР

Международные санкции оказывают как прямое, так и косвенное влияние на экономику КНДР. С 2006 по 2015 г. они носили сравнительно «легкий» характер, не нанося существенного ущерба функционированию хозяйственного механизма страны. Только с 2016 г. началось введение широких ограничений в значимых для экономической системы Северной Кореи областях.

Международные санкции стали оказывать влияние на внешнюю торговлю Северной Кореи, так как из-за повышенного риска от взаимодействия с таким сложным партнером увеличилась «стоимость» всех обменов страны с внешним миром [Haggard, Noland, 2017, p. 62]. В связи с постоянно ухудшавшимися условиями для ведения внешнеэкономической деятельности КНДР пришлось использовать различные инструменты для обхода санкций. В частности, северокорейские компании стали активно использовать подставные фирмы, наличный расчет и финансовые институты, не являющиеся частью международной банковской системы, а также разветвленную сеть иностранных посредников для продолжения экспорта и импорта запрещенных товаров. Это привело к повышению транзакционных издержек для северокорейских контрагентов, так как им приходилось платить еще больше посредникам, а также тратиться на взятки [Babson, 2016, p. 160–161].

В условиях международных санкций банкам КНДР пришлось вынести ключевую финансовую инфраструктуру за рубеж, используя иностранных (чаще всего китайских) посредников для совершения сделок [Macdonald, 2017]. Помимо разветвленной сети офшорных компаний, для уклонения от санкций КНДР стала использовать грузовые корабли, зарегистрированные под флагами других стран. Еще одним способом уклонения КНДР от санкций является перевалка запрещенных или подлежащих ограничениям грузов, включая уголь и нефтепродукты, с судна на судно в открытом море [UNSC, 2018, p. 4].

Американские специалисты, отслеживавшие результаты вводимых СБ ООН санкций, пришли к выводу о способности режима КНДР абсорбировать значительную часть расходов, связанных с ужесточением условий для ведения внешнеэкономической деятельности [Haggard, 2017, p. 32–33]. Однако в 2016 г. начался этап введения Советом Безопасности ООН намного более чувствительных для экономики КНДР санкцион-

ных мер, достигший своего апогея в 2017 г. Кроме того, именно в 2016 г. произошли важные изменения в позиции ключевого экономического партнера Северной Кореи – Китая: если ранее Пекин выступал резко против ужесточения санкционного режима в отношении КНДР, то после четвертого ядерного испытания Пхеньяна Китай согласился на введение серьезных санкций против коммерческой торговли и отдельных секторов северокорейской экономики [Haggard, Noland, 2017, p. 240].

Принятие трех санкционных резолюций СБ ООН в 2017 г., при условии что Китай будет их последовательно выполнять, должно привести к серьезному сокращению экспортно-импортных операций КНДР. По итогам 2017 г. внешняя торговля Северной Кореи сократилась на 15% до 5,55 млрд долл., причем объем экспорта уменьшился на 37% до 1,77 млрд долл. в связи с рекордным падением экспорта полезных ископаемых (55,7%), текстильных изделий (22,2%) и продукции животного происхождения (16,1%) [Bank of Korea, 2018, p. 4]. Запрет на вывоз до 90% традиционного экспорта страны ослабляет внешнеторговый и инвестиционный потенциал КНДР. До введения международных санкций иностранные фирмы присматривались к полезным ископаемым Северной Кореи как к возможному источнику крупных вложений, а дешевая квалифицированная рабочая сила позволяла открывать сборочное и текстильное производства.

На фоне сокращающихся традиционных форм внешнеэкономических связей КНДР была вынуждена искать новые источники для заработка иностранной валюты. Одним из вариантов может стать использование криптовалют, к которым Пхеньян проявляет повышенный интерес. В ноябре 2017 г. в Пхеньянском университете науки и технологий был организован курс лекций по технологии блокчейн и системе биткоин. По американским данным, в 2017 г. Северная Корея могла заработать на криптовалюте до 200 млн долл. [Yonhap News Agency, 2018].

Несмотря на усилия властей по активизации внешних инвестиционных связей, КНДР так и не удалось стать привлекательным объектом для иностранных инвесторов. А после принятия санкционных резолюций СБ ООН в 2017 г. возможности создания и функционирования совместных предприятий в стране были ограничены на международном уровне. Теоретически работать в КНДР иностранные компании могут, если будут открывать там предприятия со 100%-ным иностранным капиталом, что допускается внутренним законодательством Северной Кореи. Однако существующие ограничения в финансовой (невозможность перевода денег), транспортной и торговой сферах в среднесрочной перспективе вряд ли позволят Пхеньяну найти серьезных зарубежных партнеров.

В то же время приток иностранных инвестиций необходим Северной Корее для решения таких ключевых проблем на пути ее экономического развития, как энергетическая и транспортная. Без масштабных финансовых вливаний и зарубежных технологий невозможна серьезная модернизация старых и строительство новых электростанций, автомобильных и железных дорог. В таких условиях руководство КНДР пытается делать ставку на научно-технический прогресс, ожидая от своих ученых активного освоения иностранных изобретений для модернизации и развития национальной экономики, в том числе в области энергосбережения и инфраструктурной сфере. Одним из препятствий для реализации данного плана может стать введенное в конце 2017 г. эмбарго на поставки в КНДР промышленного оборудования и запчастей.

Существенные последствия для экономики КНДР способны иметь и положения резолюций СБ ООН, ограничивающие импорт энергоносителей. Перебои с поставками топлива из-за рубежа привели к резкому скачку цен на бензин в апреле и сентябре 2017 г. [Abrahamian, 2018].

Отдельного внимания заслуживают негативные гуманитарные последствия международных санкций. В п. 25 резолюции 2375 (2017) СБ ООН упоминает выводы Управления ООН по координации гуманитарной помощи о том, что больше половины населения КНДР страдает от отсутствия продовольственной безопасности, а почти четверть северных корейцев хронически недоедает. В этих условиях особое значение приобретает деятельность международных гуманитарных организаций. Несмотря на закрепленное в резолюциях СБ ООН положение о том, что вводимые ими меры не должны иметь отрицательных последствий для гражданского населения КНДР, на практике обеспечить это оказалось невозможно. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш в своем докладе ГА ООН 3 августа 2017 г. отмечал, что введение санкций привело к сокращению ресурсов для оказания гуманитарной помощи. С февраля 2017 г. работающая в КНДР Всемирная продовольственная программа уменьшила свои продовольственные пайки для детей, беременных и кормящих женщин до двух третей стандартного пайка, который необходим для получения ощутимого диетологического результата [UNGA, 2017, р. 8]. После принятия СБ ООН резолюции 2270 (2016) у гуманитарных миссий в Северной Корее начались проблемы, вызванные задержками в процессе закупок в связи с дополнительными расходами на лицензии и необходимостью соблюдать санкционные ограничения [Ibid., р. 20]. Кроме того, введенные резолюциями 2270 и 2321 финансовые рестрикции ограничили возможность работающих в Северной Корее организаций системы ООН (ВОЗ, ВПП, ФАО, ЮНИСЕФ и ЮНФПА) получать выделенные из бюджета ООН средства на реализацию гуманитарных проектов в КНДР. Единственным выходом из этой ситуации стала инициатива России по получению разрешения для российского банка «Спутник» на установление корреспондентских отношений с Банком внешней торговли КНДР, позволившая создать банковский канал для гуманитарного содействия Северной Корее [Кику, 2017, с. 106]. Тем не менее в 2018 г. посол России в КНДР А.И. Мацегора отмечал сохранявшееся существенное негативное влияние международных санкций на гуманитарную ситуацию в этой стране [ТАСС, 2018a].

Санкции СБ ООН могут иметь важные последствия и для развития всей социально-экономической системы КНДР. С одной стороны, у правительства нет вариантов, кроме как использовать элементы капиталистической модели для повышения уровня жизни населения и обеспечения инвестиций из внутренних источников. Вероятно, Пхеньяну придется развивать банковскую сферу для вывода из тени процесса накопления капитала гражданами и перенаправления его в инвестиции. А с другой стороны, постоянное международное давление не позволяет начать системные реформы, необходимые для существенного «скачка».

По мнению экспертов, хорошо разбирающихся во внутренней экономической ситуации в КНДР, неблагоприятные внешние условия для ведения деятельности могут способствовать банкротству малых и средних предприятий, завязанных на иностранных поставках и рынке, а также усилению крупных диверсифицированных предприятий, связанных с государством. В частности, А. Абрамян считает, что в результате санкций могут пострадать средние предприятия, де-факто управляемые частным образом, в то время как крупные государственные компании смогут закрепить свое доминирование в экономике за счет преференциальных условий доступа к ограниченным ресурсам. На примере Мьянмы автор показывает, как санкции привели к созданию и укреплению крупных корпораций, зависящих от государства и потеснивших на рынке более мелкий бизнес [Abrahamian, 2018].

По мнению А. Ланькова, меры, принятые СБ ООН в резолюции 2375, в случае полного выполнения Китаем (как главным торговым партнером КНДР) могут нанести серьезный удар по зарождающимся рыночным силам в северокорейском обществе

и процессу социальной трансформации. Запрет на экспорт морепродуктов, текстиля и полезных ископаемых нанес удар не только по государственным предприятиям, которые, как считается, приносят валюту режиму, но в том числе и по местным предпринимателям, представителям малого и среднего бизнеса, которые в процессе работы во многом зависели от внешних связей [Lankov, 2017]. Лишившись зарубежных покупателей, им придется искать потребителей внутри страны, но продавать товары, вероятно, придется по более низкой цене, что может поставить вопрос о рентабельности и в итоге привести к банкротству.

Прекращение работы местных компаний может иметь серьезные социальные последствия, поскольку работники этих предприятий лишатся своих рабочих мест. Этот же эффект может дать и запрет на экспорт рабочей силы из КНДР, принятый СБ ООН в 2017 г. В результате приличного по местным меркам заработка лишатся около 100 тыс. человек, которые также обеспечивали средствами к существованию и членов своих семей [ТАСС, 2018b].

С другой стороны, поставки продукции местной промышленности, которую раньше отправляли на экспорт (например, морепродукты и некоторые виды полезных ископаемых), могут быть переориентированы на внутренний рынок. Спрос на уголь, в частности, уже диктуется попытками КНДР построить «одноуглеродную» химическую промышленность и освоить систему газификации угля для получения синтетического топлива [Ким, 2016, с. 53–54], а также растущим внутренним производством, прежде всего товаров народного потребления. Кроме того, перед правительством встанет задача обеспечения работой нескольких десятков тысяч специалистов-строителей, которые в ближайшем будущем вернутся из зарубежных командировок на родину. Это может способствовать продолжению строительного бума по всей стране, который уже несколько лет длится в Пхеньяне и некоторых других городах. Таким образом, правительство КНДР будет вынуждено наращивать национальное производство, основанное на ограниченных к вывозу собственных ресурсах. Интересно отметить, что это вполне соответствует государственной идеологии *чучхе*, призывающей к самообеспеченности.

Помимо санкций Совета Безопасности ООН серьезные последствия для КНДР имеют односторонние экономические санкции США. Пользуясь своим доминирующим положением в международной финансовой системе и значением для мировой экономики в целом, Соединенные Штаты стали вводить так называемые вторичные санкции против физических и юридических лиц третьих стран [Harrell, Zarate, 2018]. Торгующие или иным образом ведущие дела с Северной Кореей люди или компании рискуют попасть в «черный список» Вашингтона, что фактически означает статус изгоя в деловом мире. Введение американских санкций, лишаящее доступа к рынку и банковской системе США, против компаний третьих стран отпугивает иностранцев от сотрудничества с КНДР даже в разрешенных СБ ООН сферах.

Чтобы смягчить международное экономическое давление на страну, в 2018 г. северо-корейский лидер пошел на восстановление контактов с Китаем, Южной Кореей и Соединенными Штатами. В результате в практическую реализацию санкционного режима СБ ООН были привнесены некоторые изменения. В частности, три саммита КНР – КНДР (в марте, мае и июне) привели к смягчению позиции Пекина и активизации двусторонних экономических связей [Yonhap News Agency, 2018], что даже трактовалось Вашингтоном как несоблюдение Китаем ранее взятых на себя обязательств по санкционному давлению на Пхеньян [Macdonald, 2018]. На двух межкорейских встречах на высшем уровне были обозначены возможные проекты сотрудничества двух стран [Reuters, 2018]. Для реализации намеченных планов, а именно восстановления «горячей линии» между военными двух стран, Сеул получил согласие Комитета 1718

на поставки в КНДР санкционных товаров [Kim, 2018]. Накануне саммита Ким Чен Ына и Д. Трампа, прошедшего 12 июня 2018 г. в Сингапуре, президент США не исключил возможности оказания экономической помощи Северной Корее и снятия санкций, если КНДР выполнит обязательства по денуклеаризации [White House, 2018]. На фоне подобного позитивного развития событий на полуострове появились сообщения о том, что крупные южнокорейские компании, а также некоторые иностранные инвесторы стали активно изучать возможности работы в КНДР на случай отмены международных ограничений и открытия страны для внешних связей [Salmon, 2018]. Однако, учитывая сложность последовавших за саммитом американо-северокорейских переговоров и настрой Вашингтона продолжить экономическое давление на Пхеньян [U.S. Department of State, 2018], процесс возможного ослабления санкций обещает быть длительным и проблемным. В то же время согласие Китая поддерживать КНДР на плаву (например, за счет разрешенной гуманитарной помощи или «творческого подхода» к соблюдению резолюций СБ ООН) способно вновь стать значимым фактором функционирования северокорейской экономики в условиях международных ограничений и без их снятия.

Заключение

В условиях разработки Пхеньяном собственной ядерной программы и испытаний межконтинентальных баллистических ракет военно-политическая ситуация на Корейском полуострове в 2017 г. обострилась и поставила регион на грань войны. Предпринимавшиеся с 2006 г. попытки Совета Безопасности ООН устранить угрозу миру посредством введения санкций, ограничивающих возможности Северной Кореи по освоению ядерных и ракетных технологий, не увенчались успехом. Ограничения на банковские связи с внешним миром в большинстве своем оказались легкопреодолимыми для изобретательных северокорейских компаний. Непрозрачность происходящих в КНДР процессов, а также официально сохраняющаяся в стране социалистическая экономика, в которой все ресурсы де-юре принадлежат государству, стали одной из причин для ввода с 2016 г. СБ ООН санкций, направленных против напрямую не связанных с разработкой ОМУ сфер «народного хозяйства» Северной Кореи. Заявленной целью является ограничение источников заработка иностранной валюты, которую правительство КНДР использует для развития ракетно-ядерной программы.

В результате принятия СБ ООН в 2016–2017 гг. пяти санкционных резолюций Северная Корея оказалась, по сути, отрезанной от системы международного экономического сотрудничества. Доступа на мировой рынок лишились основные экспортные товары КНДР, а импорт энергоносителей и многих видов промышленных товаров был ограничен. Ужесточилась и система отслеживания выполнения резолюций государствами – членами ООН, поскольку эффективность санкций напрямую зависит от скоординированности действий всех торговых партнеров Пхеньяна.

Официально провозглашенной идеологией КНДР является опора на собственные силы, в том числе в экономике. Однако на практике Северная Корея существенно зависит от поставок топлива, промышленного оборудования, транспортных средств, технологий и многого другого из-за рубежа. За период действия международных санкций эта зависимость только возросла, а внешнеэкономические связи (как торговые, так и инвестиционные) стали играть роль важного фактора в развитии экономики страны. Выход на внешние рынки способствовал распространению в КНДР коммерческих отношений и укоренению рыночных принципов в северокорейской социально-экономической системе. Это способствовало повышению открытости экономики

страны для внешнего мира, создавая предпосылки для дальнейшей внутренней либерализации.

В результате введенных санкций эта открытость неизбежно будет сокращаться. Болезненно почувствуют себя ростки частнокапиталистического сектора в КНДР, поскольку его развитие в последние годы во многом было сопряжено с расширением китайско-северокорейских экономических связей. В условиях ограниченности ресурсов больше шансов получить доступ к ресурсной базе будет у крупных компаний, связанных с государством, чем у средних и малых фирм, функционирующих за счет частного капитала и не обладающих нужным уровнем связей. С учетом фактически закрытых внешних возможностей для экономического развития руководству Северной Кореи придется активнее использовать как экстенсивные (массовые мобилизационные компании), так и интенсивные (материальное стимулирование, научно-технический прогресс) факторы внутреннего развития.

В то же время Ким Чен Ын может попытаться прорвать «санкционное кольцо» за счет улучшения отношений с внешним миром. Первая половина 2018 г. ознаменовалась «мирным наступлением» Пхеньяна. Три китайско-северокорейских саммита, две встречи лидеров Северной и Южной Кореи и первый в истории американо-северокорейский саммит создали атмосферу для разрядки напряженности в регионе. Руководство КНДР считает, что в целом достигло поставленных целей в создании ядерных вооруженных сил, и заявляет, что готово сконцентрироваться на экономическом строительстве [DPRK.RU, 2018]. Однако без полного отказа от ядерного оружия Пхеньян вряд ли сможет получить необходимую для этого масштабную внешнюю помощь, оказание которой запрещено санкциями СБ ООН.

Источники

- Захарова Л.В. (2017) Экономика КНДР: взгляд изнутри // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 38–45.
- Ильин А.В., Курныкин О.Ю. (2014) Северокорейский кризис через призму резолюций Совета Безопасности ООН // Сравнительная политика. № 1 (14). С. 77–95.
- Кику Д.В. (2016) Беспрецедентные санкции СБ ООН в отношении КНДР: прелюдия к дальнейшей эскалации или разрядке? Корейский полуостров в эпоху перемен / под ред. А.З. Жебина. М.: ИДВ РАН. С. 86–93.
- Кику Д.В. (2017) Оценка развития ракетно-ядерной программы КНДР через призму санкционного режима Совета Безопасности ООН. Корея перед новыми вызовами / под ред. А.З. Жебина. М.: ИДВ РАН. С. 100–107.
- Ким Чен Ын (2016) Отчетный доклад Центрального Комитета Трудовой партии Кореи VII Съезду партии. 6 и 7 мая. М.: Книжный мир.
- Министерство иностранных дел Российской Федерации (2017) Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с принятием резолюции Совета Безопасности ООН 2397. Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/3001355 (дата обращения: 01.08.2018).
- РИА Новости (2018) Матвиенко: Россия ищет варианты сотрудничества с КНДР в условиях санкций. Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20180908/1528095095.html> (дата обращения: 11.09.2018).
- ТАСС (2018a) Посол РФ в Пхеньяне: Россия убеждает КНДР и США начать переговоры и не доводить до войны. 7 февраля. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/4936121> (дата обращения: 09.02.2018).
- ТАСС (2018b) Россия начала высылку северокорейских трудовых мигрантов. 7 февраля. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/4936118> (дата обращения: 04.05.2018).

Толорая Г., Яковлева Л. (2016) Преобразования по-северокорейски: попытки «либерализации и открытости» // Мир перемен. № 2. С. 57–69.

Abrahamian A. (2018) Sanctions and Marketization in North Korea: Lessons from Myanmar. 38 North. 28 February. Режим доступа: <https://www.38north.org/2018/02/abrahamian022818/> (дата обращения: 03.05.2018).

Babson B. (2016) The North Korean Economic System: Challenges and Issues // International Journal of Korean Studies. Vol. 20. No. 1. P. 149–175.

Bank of Korea (2017) Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2016. Press Release. 22 July. Режим доступа: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000634/view.do?nttId=230094&menuNo=400069&searchWrd=north+korea&searchCnd=1&sdate=&edate=&pageIndex=1> (дата обращения: 29.05.2019).

Bank of Korea (2018) Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2017. Press Release. 20 July. Режим доступа: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000634/view.do?nttId=10046123&menuNo=400069> (дата обращения: 29.05.2019).

DPRK.RU (2018) Под руководством товарища Ким Чен Ына проведен 3-й пленум ЦК ТПК 7-го созыва. 21 апреля. Режим доступа: <http://dprk.ru/inside/proveden-3-iy-plenum-tsk-tpk-7-go-sozyva.html> (дата обращения: 12.06.2018).

Haggard S. (2017) Questions of Deterrence: Can Sanctions Work Against North Korea? // Global Asia. Vol. 12. No. 3. P. 32–36.

Haggard S., Noland M. (2017) Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. Stanford, California: Stanford University Press.

Harrell P., Zarate J. (2018) How to Successfully Sanction North Korea: A Long-Term Strategy for Washington and Its Allies // Foreign Affairs. 30 January. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-korea/2018-01-30/how-successfully-sanction-north-korea> (дата обращения: 01.07.2018).

Jon O.S. (2017) The DPRK, Where the Diversification of External Economic Relations is Being Actively Furthered. ERINA Report (Plus) No. 139 / Economic Research Institute for Northeast Asia. P. 18–22.

Kim R. (2018) UN Allows Sanctions Exception for Military Hotline Recovery // The Korea Times. 15 July. Режим доступа: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/07/103_252288.html (дата обращения: 15.06.2018).

Korea Trade-Investment Promotion Agency (KOTRA) (2017) Trends of North Korean Foreign Trade 2016. 27 July. Available at: <https://news.kotra.or.kr/user/globalBbs/kotranews/787/globalBbsDataView.do?setIdx=249&dataIdx=168031&pageViewType=&column=&search=&searchAreaCd=&searchNationCd=&searchTradeCd=&searchStartDate=&searchEndDate=&searchCategoryIdxs=&searchIndustryCateIdx=&searchItemCode=&searchItemName=&page=1&row=10> (дата обращения: 15.09.2017).

Lankov A. (2016) The Resurgence of a Market Economy in North Korea. Carnegie Moscow Center. Режим доступа: <http://carnegie.ru/2016/02/03/resurgence-of-market-economy-in-north-korea-pub-62647> (дата обращения: 26.01.2018).

Lankov A. (2017) As New Sanctions Bite, They'll Hurt North Korea's Few Entrepreneurs. NK News. 22 November. Режим доступа: <https://www.nknews.org/2017/11/as-new-sanctions-bite-theyll-hurt-north-koreas-few-entrepreneurs/?c=1511345528178> (дата обращения: 26.01.2018).

Macdonald H. (2017) North Korea's Illicit Networks Exposed, Vulnerable to Sanctions: Report. NK News. 12 December. Режим доступа: <https://www.nknews.org/2017/12/north-koreas-illicit-networks-exposed-vulnerable-to-sanctions-report/> (дата обращения: 13.12.2017).

Macdonald H. (2018) Kim Jong Un and Xi Jinping Meet in Beijing for Third Summit. 19 June. NK News. 19 June. Режим доступа: <https://www.nknews.org/2018/06/kim-jong-un-and-xi-jinping-meet-in-beijing-for-third-summit/> (дата обращения: 29.06.2018).

Marumoto M. (2009) Democratic People's Republic of Korea Economic Statistics Project. March. Режим доступа: <http://uskoreainstitute.org/research/special-reports/dprk-economic-statistics-report/> (дата обращения: 09.05.2018).

Pak T.S. (2017) The Objectives and Core Tasks for the Five-Year Strategy for State Economic Development in the DPRK. ERINA Report (Plus) No. 139 / Economic Research Institute for Northeast Asia. P. 8–12.

Reuters (2018) Panmunjeom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula. 27 April. Режим доступа: <https://uk.reuters.com/article/uk-northkorea-southkorea-summit-statement/panmunjeom-declaration-for-peace-prosperity-and-unification-of-the-korean-peninsula-idUKKBN1HY193> (дата обращения: 16.06.2018).

Salmon A. (2018) A Kimdom Awaits: China and South Korea Get Down to Business // Asia Times. 16 July. Режим доступа: <http://www.atimes.com/article/a-kimdom-awaits-china-and-south-korea-get-down-to-business/> (дата обращения: 29.06.2018).

U.S. Department of State (2018) Secretary of State Michael R. Pompeo With Permanent Representative to the United Nations Nikki Haley. 20 July. Режим доступа: <https://www.state.gov/remarks-with-permanent-representative-to-the-united-nations-nikki-haley/> (дата обращения: 29.05.2019).

U.S. Mission to the United Nations (2017) Fact Sheet: UN Security Council Resolution 2397 on North Korea. 22 December. Режим доступа: <https://usun.state.gov/remarks/8238> (дата обращения: 25.01.2018).

United Nations (UN) (2018) National Accounts: Analysis of Main Aggregates (AMA). Department of Economic and Social Affairs. Режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Index> (дата обращения: 09.05.2018).

United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (2017) World Investment Report 2017: Investment and the Digital Economy. Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf (дата обращения: 09.05.2018).

United Nations Food and Agriculture Organization (FAO) (2017) Special Alert No. 340: Country: Democratic People's Republic of Korea. Global Information and Early Warning System on Food and Agriculture. 20 July. Режим доступа: <http://www.fao.org/in-action/kore/publications/publications-details/en/c/1025325/> (дата обращения: 29.05.2019).

United Nations General Assembly (UNGA) (2017) Situation of Human Rights in the Democratic People's Republic of Korea: Report of the Secretary-General A/72/279. 3 August. Режим доступа: <https://reliefweb.int/report/democratic-peoples-republic-korea/situation-human-rights-democratic-people-s-republic-korea-3> (дата обращения: 27.05.2019).

United Nations Security Council (UNSC) (2006) Resolution 1718 (2006). Adopted by the Security Council at Its 5551st Meeting, on 14 October 2006. Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1718\(2006\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1718(2006)) (дата обращения: 22.12.2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2009) Resolution 1874 (2009). Adopted by the Security Council at Its 6141st Meeting, on 12 June 2009. Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1874\(2009\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1874(2009)) (дата обращения: 22.12.2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2013a) Resolution 2087 (2013). Adopted by the Security Council at Its 6904th Meeting, on 22 January 2013. Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2087\(2013\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2087(2013)) (дата обращения: 22.12.2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2013b) Resolution 2094 (2013). Adopted by the Security Council at Its 6932nd Meeting, on 7 March 2013. Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2094\(2013\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2094(2013)) (дата обращения: 22.12.2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2016a) Resolution 2270 (2016). Adopted by the Security Council at Its 7638th Meeting, on 2 March 2016. Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2270\(2016\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2270(2016)) (дата обращения: 22.12.2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2016b) Resolution 2321 (2016). Adopted by the Security Council at Its 7821st Meeting, on 30 November 2016. Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2321\(2016\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2321(2016)) (дата обращения: 22.12.2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2016c) Report of the Panel of Experts Established Pursuant to Resolution 1874. 24 February. Режим доступа: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2016/157&Lang=E (дата обращения: 29.07.2018).

United Nations Security Council (UNSC) (2017a) Resolution 2371 (2017). Adopted by the Security Council at Its 8019th Meeting, on 5 August 2017. Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2371\(2017\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2371(2017)) (дата обращения: 22.12.2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2017b) Resolution 2375 (2017). Adopted by the Security Council at Its 8042nd Meeting, on 11 September 2017. Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2375\(2017\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2375(2017)) (дата обращения: 22.12.2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2017c) Resolution 2397 (2017). Adopted by the Security Council at Its 8151st Meeting, on 22 December 2017. Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2397\(2017\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2397(2017)) (дата обращения: 22.12.2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2018) Final Report of the Panel of Experts Submitted Pursuant to Resolution 2345. 5 March. Режим доступа: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2018/171 (дата обращения: 29.07.2018).

White House (2018) Remarks by President Trump After Meeting with Vice Chairman Kim Yong Chol of the Democratic People's Republic of Korea. 1 June. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-meeting-vice-chairman-kim-yong-chol-democratic-peoples-republic-korea/> (дата обращения: 13.06.2018).

Yonhap News Agency (2018) Chinese Firms Rush to N. Korea to Discuss Economic Cooperation. 22 June. Режим доступа: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20180622003100315> (дата обращения: 29.05.2019).

The Influence of UN Security Council Sanctions on the North Korean Economy¹

L. Zakharova

Liudmila Zakharova – PhD (Economics), Senior Researcher, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; 32 Nakhimovsky Prospect, 117997, Moscow, Russian Federation; Associate Professor, Department of World Economy, MGIMO University; 76 Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation; E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Abstract

This article examines the economic sanctions imposed by the UN Security Council (UNSC) on the Democratic People's Republic of Korea (DPRK or North Korea) in 2006–2017 in response to Pyongyang's nuclear tests and missile launches. The UNSC adopted a number of resolutions containing obligations for all UN member states. Some of them have a direct impact both on North Korea's economic contacts with the outside world and on the country's economic development. The restrictive measures imposed against the DPRK in 2016–2017 were particularly biting.

The purpose of this study is to explore economic sanctions imposed on the DPRK by the UNSC and examine their possible consequences for the North Korean economy.

The study is based on a systems approach. It examines the DPRK's economy as a system, and the UNSC sanctions as an external factor that influences its development. Methods of comparative analysis are applied to explore the dynamics of the tightening sanctions regime. Statistical and analytical methods are also used to evaluate the current state of the North Korean economy, identify the key factors of its development and the potential impact of multilateral sanctions.

In the 1960s, the DPRK classified most of its economic statistics and sometimes released only certain indicators, such as the gross domestic product (GDP) for certain years. Therefore, to analyze the long-term dynamics of North Korean economic development it is necessary to use evaluations from secondary sources, including international organizations and government agencies of the Republic of Korea (ROK). It is estimated that the last decade was marked by the growth of North Korea's GDP despite the restrictions imposed by the UN Security Council. Pyongyang's efforts to expand foreign economic relations, as well as the growth of a market sector in the country's socialist economy contributed to that upward trend.

The present study identifies important consequences that multilateral sanctions might have for the North Korean economy. By the end of 2017, North Korea was effectively cut off from the global banking system and substantially restricted in its foreign trade, investment, transport and scientific ties. In addition to a significant drop in exports, all external transactions for North Korean companies have become more expensive. The DPRK will have to search for new ways of interacting with the world economy, including the use of cryptocurrencies. Previously export-oriented producers in North Korea will be forced to focus on the domestic market. With increased local competition and limited access to resources, big companies connected with the state will probably oust smaller "private" forms of business from the market. An important unintended result of international sanctions is the negative humanitarian impact on the civilian population of the DPRK.

Key words: DPRK; North Korea; UN Security Council; sanctions; nuclear programme; economy

For citation: Zakharova L. (2019) The Influence of UN Security Council Sanctions on the North Korean Economy. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 2, pp. 223–244 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-09.

References

Abrahamian A. (2018) Sanctions and Marketization in North Korea: Lessons from Myanmar. 38 North. 28 February. Available at: <https://www.38north.org/2018/02/aabrahamian022818/> (accessed 3 May 2018).

¹ The editorial board received the article in May 2018.

The research was supported by Russian Science Foundation (project № 17-78-10126).

Babson B. (2016) The North Korean Economic System: Challenges and Issues. *International Journal of Korean Studies*, vol. 20, no 1, pp. 149–175. Available at: http://www.icks.org/data/ijks/1482965794_add_file_7.pdf (accessed 3 June 2019).

Bank of Korea (2017) Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2016. Press Release, 22 July. Available at: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000634/view.do?nttId=230094&menuNo=400069&searchWrd=north+korea&searchCnd=1&sdate=&edate=&pageIndex=1> (accessed 29 May 2019).

Bank of Korea (2018) Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2017. Press Release, 20 July. Available at: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000634/view.do?nttId=10046123&menuNo=400069> (accessed 29 May 2019).

DPRK.RU (2018) Pod rukovodstvom tovarischa Kim Chen Ina proveden 3-y plenum CK TPK 7-go soziva [Under the leadership of Comrade Kim Jong-un, the 3rd Plenary Meeting of the 7th convocation of the Central Committee of the WPK CC was held], 21 April. Available at: <http://dprk.ru/inside/proveden-3-iy-plenum-tsk-tpk-7-go-sozyva.html> (accessed 6 June 2018).

Haggard S. (2017) Questions of Deterrence: Can Sanctions Work Against North Korea? *Global Asia*, vol. 12, no 3, pp. 32–36.

Haggard S., Noland M. (2017) *Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea*. Stanford: Stanford University Press.

Harrell P., Zarate J. (2018) How to Successfully Sanction North Korea: A Long-Term Strategy for Washington and Its Allies. *Foreign Affairs*. 30 January. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-korea/2018-01-30/how-successfully-sanction-north-korea> (accessed 1 July 2018).

Il'in A.V., Kurnykin O.Yu. (2014) Severokoreiskii krizis cherez prizmu rezolyutsii Soveta bezopasnosti OON [The North Korean Crisis Through the Prism of UN Security Council Resolutions]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]*, no 1 (14), pp. 77–95 (in Russian).

Jon O.S. (2017) The DPRK, Where the Diversification of External Economic Relations is Being Actively Furthered. ERINA Report (Plus) No 139, Economic Research Institute for Northeast Asia, pp. 18–22.

Kiku D.V. (2016) *Besprecedentnye sankcii SB OON v otnoshenii KNDR: prelyudiya k dal'nejshej eskalacii ili razryadke? [Unprecedented UN Security Council Sanctions Regime Against North Korea: A Prelude to Further Escalation or Detente?]* Koreyskiy poluostrov v epokhu peremen [Korean Peninsula in the Era of Changes] (A. Zhebin (ed.)). Moscow: IFES RAS, pp. 86–93 (in Russian).

Kiku D.V. (2017) *Ocenka razvitiya raketno-yadernoj programmy KNDR cherez prizmu sankcionnogo rezhima Soveta Bezopasnosti OON [Assessment of the Development of the DPRK Missile and Nuclear Programmes Through the Lens of the UN Security Council Sanctions Regime]*. Koreya pered novymi vyzovami [Korea Facing New Challenges] (A. Zhebin (ed.)). Moscow: IFES RAS, pp. 100–107 (in Russian).

Kim J.U. (2016) Otchetnyj doklad Centralnogo Komiteta Trudovoj partii Korei VII S'ezdu partii [Report of the WPK Central Committee at Its 7th Congress]. Moscow (in Russian).

Kim R. (2018) UN Allows Sanctions Exception for Military Hotline Recovery. *The Korea Times*, 15 July. Available at: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/07/103_252288.html (accessed 15 July 2018).

Korea Trade-Investment Promotion Agency (KOTRA) (2017) 2016nyeon bughan daeomuyeog donghyang [Trends of North Korean Foreign Trade 2016]. Seoul: KOTRA. 27 July. (in Korean) Available at: <https://news.kotra.or.kr/user/globalBbs/kotranews/787/globalBbsDataView.do?setIdx=249&dataIdx=168031&pageViewType=&column=&search=&searchAreaCd=&searchNationCd=&searchTradeCd=&searchStartDate=&searchEndDate=&searchCategoryIdxs=&searchIndustryCateIdx=&searchItemCode=&searchItemName=&page=1&row=10> (accessed 15 September 2017).

Lankov A. (2016) The Resurgence of a Market Economy in North Korea. Carnegie Moscow Center. Available at: <http://carnegie.ru/2016/02/03/resurgence-of-market-economy-in-north-korea-pub-62647> (accessed 26 January 2018).

Lankov A. (2017) As New Sanctions Bite, They'll Hurt North Korea's Few Entrepreneurs. *NK News*, 22 November. Available at: <https://www.nknews.org/2017/11/as-new-sanctions-bite-theyll-hurt-north-koreas-few-entrepreneurs/?c=1511345528178> (accessed 29 November 2017).

- Marumoto M. (2009) Democratic People's Republic of Korea Economic Statistics Project (April-December 2008). March. Available at: <http://uskoreainstitute.org/research/special-reports/dprk-economic-statistics-report/> (accessed 16.01.2014).
- Macdonald H. (2017) North Korea's Illicit Networks Exposed, Vulnerable to Sanctions: Report. NK News, 12 December. Available at: <https://www.nknews.org/2017/12/north-koreas-illicit-networks-exposed-vulnerable-to-sanctions-report/> (accessed 13 December 2017).
- Macdonald H. (2018) Kim Jong Un and Xi Jinping Meet in Beijing for Third Summit, 19 June. NK News, 19 June. Available at: <https://www.nknews.org/2018/06/kim-jong-un-and-xi-jinping-meet-in-beijing-for-third-summit/> (accessed 29 July 2018).
- Pak T.S. (2017) The Objectives and Core Tasks for the Five-Year Strategy for State Economic Development in the DPRK. ERINA Report (Plus) No 139, Economic Research Institute for Northeast Asia, pp. 8–12.
- Reuters (2018) Panmunjeom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula, 27 April. Available at: <https://uk.reuters.com/article/uk-northkorea-southkorea-summit-statement/panmunjeom-declaration-for-peace-prosperity-and-unification-of-the-korean-peninsula-idUKKBN1HY193> (accessed 16 June 2018).
- RIA Novosti (2018) Matvienko: Russia Is Looking for Cooperation Options with the DPRK Amid Sanctions, 8 September. Available at: <https://ria.ru/economy/20180908/1528095095.html> (accessed 11 September 2018) (in Russian).
- Russian Federation (2017) Comment by the Information and Press Department of the Russian Ministry of Foreign Affairs Regarding the Adoption of UN Security Council Resolution 2397. Ministry of Foreign Affairs. 23 December. Available at: http://www.mid.ru/ru/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/30013553001355 (accessed 01 July 2018) (in Russian).
- Salmon A. (2018) A Kimdom Awaits: China and South Korea Get Down to Business. Asia Times, 16 July. Available at: <http://www.atimes.com/article/a-kimdom-awaits-china-and-south-korea-get-down-to-business/> (accessed 29 July 2018).
- TASS (2018a) The Ambassador of the Russian Federation in Pyongyang: Russia Convinces the DPRK and the United States to Begin Negotiations and Not Bring It to War. TASS, 7 February. Available at: <http://tass.ru/politika/49N6121> (accessed 9 February 2018).
- TASS (2018b) Russia Begins to Repatriate North Korean Labour Migrants. TASS, 7 February. Available at: <http://tass.ru/politika/4936118> (accessed 4 May 2018).
- The Korea Times (2018) NK Estimated to Have Made Up to US\$210 Mln With Bitcoin: Report, 2 March. Available at: <http://www.koreatimesus.com/nk-estimated-to-have-made-up-to-us210-mln-with-bitcoin-report/> (accessed 27 May 2019).
- Toloraya G., Yakovleva L. (2016) Preobrazovaniya po-severokoreiski: popytki "liberalizatsii i otkrytosti [Transformation in the North Korean Style: Attempts at "Liberalization and Opening"]. *Mir peremen [World of Changes]*, no 2, pp. 57–69 (in Russian).
- United Nations (UN) (2018) National Accounts: Analysis of Main Aggregates (AMA). Department of Economic and Social Affairs. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Index> (accessed 26 July 2018).
- United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (2017) World Investment Report 2017: Investment and the Digital Economy. Available at: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf (accessed 9 May 2018).
- United Nations Food and Agriculture Organization (FAO) (2017) Special Alert No 340: Country: Democratic People's Republic of Korea. Global Information and Early Warning System on Food and Agriculture. 20 July. Available at: <http://www.fao.org/in-action/kore/publications/publications-details/en/c/1025325/> (accessed 29 May 2019).
- United Nations General Assembly (UNGA) (2017) Situation of Human Rights in the Democratic People's Republic of Korea: Report of the Secretary-General A/72/279. 3 August. Available at: <https://reliefweb.int/report/democratic-peoples-republic-korea/situation-human-rights-democratic-people-s-republic-korea-3> (accessed 27 May 2019).

United Nations Security Council (UNSC) (2006) Resolution 1718 (2006). Adopted by the Security Council at Its 5551st Meeting, on 14 October 2006. Available at: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1718\(2006\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1718(2006)) (accessed 22 December 2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2009) Resolution 1874 (2009). Adopted by the Security Council at Its 6141st Meeting, on 12 June 2009. Available at: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1874\(2009\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1874(2009)) (accessed 22 December 2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2013a) Resolution 2087 (2013). Adopted by the Security Council at Its 6904th Meeting, on 22 January 2013. Available at: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2087\(2013\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2087(2013)) (accessed 22 December 2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2013b) Resolution 2094 (2013). Adopted by the Security Council at Its 6932nd Meeting, on 7 March 2013. Available at: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2094\(2013\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2094(2013)) (accessed 22 December 2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2016a) Resolution 2270 (2016). Adopted by the Security Council at Its 7638th Meeting, on 2 March 2016. Available at: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2270\(2016\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2270(2016)) (accessed 22 December 2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2016b) Resolution 2321 (2016). Adopted by the Security Council at Its 7821st Meeting, on 30 November 2016. Available at: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2321\(2016\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2321(2016)) (accessed 22 December 2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2016c) Report of the Panel of Experts Established Pursuant to Resolution 1874, 24 February. Available at: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2016/157&Lang=E (accessed 29 July 2018).

United Nations Security Council (UNSC) (2017a) Resolution 2371 (2017). Adopted by the Security Council at Its 8019th Meeting, on 5 August 2017. Available at: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2371\(2017\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2371(2017)) (accessed 22 December 2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2017b) Resolution 2375 (2017). Adopted by the Security Council at Its 8042nd Meeting, on 11 September 2017. Available at: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2375\(2017\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2375(2017)) (accessed 22 December 2017).

United Nations Security Council (UNSC) (2017c) Resolution 2397 (2017). Adopted by the Security Council at Its 8151st Meeting, on 22 December 2017. Available at: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2397\(2017\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2397(2017)) (accessed 21 January 2018).

United Nations Security Council (UNSC) (2018) Final Report of the Panel of Experts Submitted Pursuant to Resolution 2345. 5 March. Available at: <https://www.undocs.org/S/2018/171> (accessed 29 May 2019).

U.S. Department of State (2018) Secretary of State Michael R. Pompeo With Permanent Representative to the United Nations Nikki Haley. 20 July. Available at: <https://www.state.gov/remarks-with-permanent-representative-to-the-united-nations-nikki-haley/> (accessed 29 May 2019).

U.S. Mission to the United Nations (2017) Fact Sheet: UN Security Council Resolution 2397 on North Korea. 22 December. Available at: <https://usun.state.gov/remarks/8238> (accessed 25 January 2018).

White House (2018) Remarks by President Trump After Meeting with Vice Chairman Kim Yong Chol of the Democratic People's Republic of Korea. 1 June. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-meeting-vice-chairman-kim-yong-chol-democratic-peoples-republic-korea/> (accessed 13 June 2018).

Yonhap News Agency (2018) Chinese Firms Rush to N. Korea to Discuss Economic Cooperation. 22 June. Available at: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20180622003100315> (accessed 29 May 2019).

Zakharova L.V. (2017) *Ekonomika KNDR: vzglyad iznutri* [Economy of the DPRK: A View from the Inside]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], no 12, pp. 38–45. (in Russian)